

Помнится мне, как он в первый раз влюбился. Ему было тогда лет тринадцать, и первая его любовь была странного характера. Пожалуй, ее нельзя даже назвать любовью.

В той церкви, куда он обыкновенно ходил к вечерне с своим воспитателем-студентом, высоким *

<1886—1887>

Беловой автограф: ГМТ, № 962, л. 1—2 об. Конец утерян. Основанием для датирования служит почерк, одинаковый с почерком поэтических тетрадей 1886—1887 гг.

¹ Г. Гейне. Путешествие на Гарц. Пролог (перевод М. Л. Михайлова). Бунин мог знать эти стихи по изданию: «Собрание сочинений Г. Гейне в переводах русских писателей, изданное Н. В. Гербелем» (т. 2. СПб., 1878). Очевидно, он цитировал по памяти — последние две строки приведены неточно.

² Вероятно, поэму А. Теннисона Бунин знал по сборнику: «Английские поэты в биографиях и образцах». Изд. Н. В. Гербеля (СПб., 1875); это была одна из первых книг, прочитанных им в детстве (Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 258).

³ Впоследствии Бунин вспоминал: «Из того, что произвело на меня в первые гимназические годы особенно поэтическое и восторженное впечатление, вспоминается сейчас „Колокол“ Андерсена» (там же).

НЕФЕДКА

Святочный рассказ

Нефедкой его звали почти все. Несмотря на то, что в его реденькой и жесткой бородке было уже несколько посеребренных годами волосков, такая кличка нисколько не странно звучала в его ушах. Он привык, давным-давно привык ко всему подобному. Ему казалось, что называть его иначе даже невозможно. Иногда только он хотел показать вид, что обижается, если, например, за ним гурьбой кричали мальчишки, когда ему случилось медленно возвращаться домой из кабака, сильно раскачиваясь в разные стороны. Тогда он старался сделать свои маленькие пьяные глаза злобными и презрительными.

— Нефедка, Нефедка! — повторял он хриплым голосом. — Ишь, чертенята! Кому — Нефедка, а вам — дяденька!..

Но ничто не могло внушить к нему уважение. Он был деревенский беднягасапожник, один из тех несчастных субъектов, пришибленных бесприютной нуждой, которые махнули рукой на всю свою горемычную жизнь. Он жил где-то на краю села на квартире, в маленькой и темной избушке, почти вросшей в землю, жил и грязно, и крайне бедно, несмотря на то, что работал, не разгибаясь, по целым дням. Детей у Нефедки было много, а жена, чахоточная, изнуренная женщина, почти всегда лежала больною.

Нефедка все это видел и никогда не жаловался и не скорбел ни о чем. Маленькие глазки его почти всегда добродушно или хитро улыбались, хриплый голос звучал хоть и отрывисто, но весело и беззаботно... Пьяный, он иногда плакал, но плакал вполне бессознательно. Даже грустные чувства не размягчали его загрубевшего сердца

Был канун рождества. Поздно вечером возвратился в этот день Нефедка из «заведения» и прямо, не заходя в избу, пробрался на двор, запряг хозяйскую клячу в розвальни и осторожно выехал за околицу.

Стояла холодная лунная ночь. Звезды ярко блистали синеватыми острыми огоньками в глубине неба. Под полозьями розвальней визжал и хрустел, как алебастр, снег, и каждый звук далеко отдавался в морозном воздухе, среди мертвого молчания зимней ночи.

* Здесь рукопись обрывается.

Нефедка завернулся в чекмень, надвинул шапку, спрятал рукав в рукав и лег на солому. Лошадь трусила, снег скрипел, а в голове его подымались самые неприятные мысли.

Он думал о том, что завтра рождество и что ему необходимо украсть в лесу несколько елок, иначе он останется не только без водки, но даже и без хлеба. Еще нынче утром он избил жену за то, что она начала его ругать и укорять, увидав его сборы в кабак. Правда, он и сам знал, что у них осталась одна маленькая краешечка хлеба, но все-таки он разозлился на ее нытье и злобно поддал исхудавшую бабу в грудь так сильно, что она свалилась на лавку.

— Ловко попал! — подумал Нефедка и покачал головой.

Неприятное, плаксивое чувство шевельнулось где-то в глубине его души. Он вспомнил, как она упала на доски и ничего ему больше не сказала, даже не взглянула, как он отворил дверь; она закрыла лицо руками, опустив голову, и так горько, но тихо зарыдала, что у Нефедки сердце защемило.

Он заворочался на саних, ударил кнутом лошадь и опять лег. Теперь он старался отогнать от себя воспоминание о нынешнем дне и стал размышлять, где лучше нарубить елок. Что украсть необходимо — Нефедка и не сомневался... Конечно, ему было неприятно ехать воровать в такое время, когда все готовились в церковь, чтобы помолиться в ночь Христова рождества. Но во-первых, его изба была нетоплена уже второй день, и огонь не зажигался уже с неделю; во-вторых, без хлеба жить невозможно, и в особенности в такой большой праздник...

Тоска совершенно овладела Нефедкой. Этакой тоски он почти никогда не испытывал; как нарочно сложились обстоятельства таким образом, что почти не было исхода. Заработать негде да и некогда, потому что никто не работает на рождество Христово.

— Ох, господи!.. Вот!.. — пробормотал Нефедка, поднимаясь. — И как это все случилось?.. Тут — праздник, тут хлеба нету, тут изба нахолодилась. Хоть самому на осину, прости господи!..

И он опять ударил кнутом лошадь и достал топор. Сани спускались под гору. Оставалось проехать немного по лугу и прямо въехать в лес.

Лошадь пустилась вскачь и скоро пошла по ложине; там было топко, и Нефедка слез. Он шел возле саней, утопая почти по колено в снегу.

Все больше морозило. Месяц поднялся высоко, высоко на небе. Старые березы, увешанные хрустальным инеем, неподвижно стояли на опушке долины, словно стеклянные. Иногда месяц подергивался белым дымчатым облачком, и свет таял; в лугу совсем темнело, и березы стояли матовыми призраками.

Нефедке делалось жутко. Он остановился на опушке. Все еще больше стихло. Нефедка стал прислушиваться и вглядываться в темные лесные чащи... Сердце его сильно стучало. Мертвое, глубокое молчание странно действовало на него. Ему чудилось, что он совершает что-то страшное, совершает в такую ночь...

Медленно привязал он лошадь, медленно взял топор, натянул рукавицы и тихо осторожно вступил под своды лесных великанов. Низко висели, опущенные снегом, темные ветви. Месячные лучи бледными полосами лежали на полянах... Нефедка робко зашел в чащу и оглянулся. Тихо и темно... Он шагнул еще — и где-то далеко, сквозь далекие чащи, увидел красноватую искру огонька в караулке. Он долго смотрел туда, потом повернул направо и спустился в луг, утопая в снегу почти по пояс. На лугу густыми толпами стояли молодые березы и ели. Месячный свет не проникал сюда и лежал на вершинах старых сосен. Они смутно отделялись от окружающей их таинственной полумглы. Верхние ветви их казались серебряными, нижние — темными и пушистыми...

Нефедка еще немного прошел по лугу и остановился под приземистой елью. Надо было поскорее нарубить и начать таскать к саним. К свету можно было отделяться.

Нефедка перекрестился и вдруг сразу поднял топор. Глухой удар прокатился по ложине и оборвался в ближайших чашах. И вслед за этим что-то с шумом сорвалось с ближнего дуба, и снег густой пылью посыпал на землю.

Нефедка вздрогнул и отшатнулся в сторону.

— Уж не уехать ли? — мелькнуло у него в голове, но вслед за этим другие мысли сразу вытеснили первую.

И Нефедка опять поднял топор и на минуту остановился. Он остановился и замер...

Далеко, далеко гудел мерно и призывающе колокол. Звон доносился глухими переливами, но совершенно явственно. Эти переливы отдавались во всех чашах, и все словно еще более затихло и замерло. Только торжественно гудел колокол, и все внимало святой вести о рождении богочеловека.

И Нефедка дрожащими руками держал топор, не смея шевельнуться. Он стоял, словно окаменелый, а в ушах его раздавался звон. Звон отдавался в его сердце и говорил этому загрубелому и несчастному человеку, говорил что-то непонятное. Ему чудилось что-то великое и торжественное.

Сердце его трепетало, и мысли нестройно теснились в голове. Что ему было делать? Завтра все придут из церкви, все вернутся по домам... А он придет в холодную избу, где нет куска хлеба...

— Эх, была не была! — подумал Нефедка ожесточенно и, стиснув зубы, изо всей силы ударил по дереву. Опять глухой удар прозвучал по лесу, и опять полился широкими волнами призывающий благовест.

— Господи, господи! — застонал Нефедка... И в этом стоне было все: и сознание глубокого горя, и тяжелое страдание, и воспоминание о своей греховности... В первый раз пробудилась его душа от глубокого сна, в первый раз сердце трепетало непонятными сладостными чувствами...

Он швырнул топор, присел на холодный снег и вдруг горько, навзрыд, как ребенок, заплакал...

Стройное пение уже несло из церкви, когда Нефедка входил на паперть. В первый раз он благоговейно стал в толпе молящихся и, когда раздался наконец торжественный рождественский гимн, он узнал и понял, когда можно быть истинно счастливым и спокойным душою...

<1887>

«Родина», 1887, № 51, 20 декабря, стлб. 1613—1615. Подпись: И. Бунин.

Воспроизведено (в сокращении и со значительными неточностями): «Радуга», 1968, № 9.

БОЖЬИ ЛЮДИ. <ДВА СТРАННИКА>

Очерк

Тимоша вышел из Березовки после обеда. Метель поутихла, и он намеревался благополучно добраться до ближних Выселок, где было можно переночевать, а затем — продолжать путь. Цель его была — сходить к одной из его покровительниц и кормилиц, за которых Тимоша всегда ставил копейные свечки и усердно молился богу. Покровительница эта была старая дева-помещица. Всякие слепые, убогие и странники находили у ней приют. Живя одиноко, весь свой век ничего не делая, она развлекалась бессознательно совершаемыми добрыми делами. По ночам нараспев читала псалтырь, выкрикивала молитвы, читала зауспокойные прошения и т. п. Естественно, что странники и всякие «рабы Христовы» обманывали ее самым бессовестным образом. Многие соседи считали ее сумасшедшею, но барыня не унывала; может быть, потому, что была на самом деле не из умниц. Тимоша же считал ее великой угодницей божьей. Теперь он надеялся пожить у ней примерно до третьей недели великого поста, чтобы с первыми оттепелями, запасись кое-какою одеждою, отправиться в Троицкую лавру встречать светлый праздник.